

Майк Уоллес, легендарный американский журналист и телеведущий, интервьюирует Эриха Фромма. Медиа-данные и подробная расшифровка на английском языке интервью взяты из интернет-архива Техасского университета в Остине. Текст интервью публикуется здесь в переводе Анжелы Черкашиной.

*(видеоинтервью с Эрихом Фроммом на английском языке.
Чтобы перейти по ссылке на видео, нажмите [здесь](#)).
Ниже предоставляется перевод этого интервью.*

Интервью с Майком Уоллесом: в гостях Эрих Фромм

МАЙК УОЛЛЕС: С нами Эрих Фромм, один из самых влиятельных психоаналитиков во всём мире. После идей Зигмунда Фрейда работы Эриха Фромма расцениваются как важный шаг в развитии психологии. Совсем недавно доктор Эрих Фромм сказал: «Ещё никогда в мире не существовало лучшего общества, чем общество США 1958 года». А затем он добавил: «Общество США подвергает себя серьёзной опасности самоуничтожения, если будет продолжать двигаться в том же направлении, которое оно сейчас заняло». Итак, сегодня мы всё проясним.

АНОНС: Благодаря поддержке Фонда Республики, передача «Интервью с Майком Уоллесом» транслируется по телеканалу «АВС» и предоставляет вам специальный выпуск телевизионных серий обсуждений проблем свободы и выживания в Америке.

МАЙК УОЛЛЕС: Добрый вечер. С вами Майк Уоллес. В последние недели мы обсуждали проблемы свободного общества и то, что оно должно делать, чтобы выжить. Сегодня мы

постараемся оценить степень воздействия нашего свободного общества на нас как личностей. Так ли мы счастливы, как мы думаем и свободны ли мы думать и чувствовать? Наш гость – доктор Эрих Фромм, психоаналитик и социальный критик, всемирно известный своими исследованиями человека и его поиска свободы.

Доктор Эрих Фромм, прежде всего, позвольте мне спросить Вас. Все критикуют США, и я думаю, что Вы с этим согласитесь, как меркантильное общество, возможно, даже пустое общество. Совсем недавно Вы сказали следующее: «Ещё никогда в мире не существовало лучшего общества, чем общество США 1958 года». Что Вы под этим подразумеваете?

ЭРИХ ФРОММ: Всё, конечно, относительно. В истории развития идей человечеству до сих пор нечем похвастаться. Я имею в виду, что по сравнению с большинством других обществ наше современное американское общество добилось того, что его отличает: больше материальных благ, чем у любой другой нации; относительная свобода от угнетения; относительная мобильность; а также достаточно уникальные возможности распространения искусства, музыки и идей. Итак, я хочу сказать, что у нас лучше общество, чем в 19 веке, чем общество предыдущих периодов истории человечества, чем какое-либо созданное человеком общество. Но это не означает, что это самое лучшее общество.

МАЙК УОЛЛЕС: Так, теперь понятно. В то же время Вы делаете противоречивое заявление, так как ранее на этой неделе Вы также сообщили: «Общество США подвергает себя серьезной опасности самоуничтожения, если будет продолжать двигаться в том же направлении, которое оно сейчас заняло». Что Вы скажите на это?

ЭРИХ ФРОММ: Да, Мистер Уоллес, я бы сказал следующее. Если рассматривать этот вопрос в целом, наш энтузиазм доминировать над природой и производить больше материальных благ – товаров – привёл нас к тому, что мы превратили средство в цель. Для того чтобы дать человеку возможности для ещё более достойной жизни, мы стали производить больше товаров, чем производили в 19 и 20 веках. Но на самом деле случилось так, что производство и потребление обрели первостепенное значение: перестали быть средством и стали целью. И мы занимаемся сумасшедшим потреблением и сумасшедшим производством.

МАЙК УОЛЛЕС: Хорошо. Я бы хотел узнать Ваше мнение о предпосылках. Ваше мнение как психоаналитика на отдельных примерах о том, что же происходит с нами как с личностями. Вот, например, чтобы Вы сказали об отношениях человека (американского человека) с его работой?

ЭРИХ ФРОММ: Я думаю, что его работа в значительной степени бессмысленна для него, так как он не имеет к ней никакого отношения. Он все больше становится частью большого механизма, социального механизма, управляемого бюрократией... И я думаю, что американец очень часто бессознательно ненавидит свою работу, поскольку он чувствует себя в её ловушке... узником работы... так как он чувствует, что тратит большую часть своей энергии на то, что само по себе не имеет никакого смысла.

МАЙК УОЛЛЕС: ...само по себе не имеет никакого смысла? Человек использует работу, чтобы жить. Работа даёт чувство нужного и достойного человека, чувство здравомыслящего человека. Это смысл работы.

ЭРИХ ФРОММ: Да. Но чтобы сделать человека счастливым этого недостаточно. Ведь он, чтобы заработать деньги, проводит восемь часов в день, занимаясь тем, что для него не имеет никакого смысла и интереса.

МАЙК УОЛЛЕС: ...смысл и интерес работы? Может быть я излишне настойчив, но что конкретно Вы имеете в виду? Когда человек работает на заводе разводным гаечным ключом, какой в этом может быть глубокий смысл?

ЭРИХ ФРОММ: Существует творческое наслаждение, которое, например, было у ремесленников в Средние века или ещё осталось в таких странах как Мексика – это удовольствие создания чего-то. Сегодня Вы с большим трудом найдёте квалифицированных работников, которые способны испытывать это удовольствие. Может быть, чувство творения знакомо работнику на сталелитейном заводе, а может быть, это чувство творения есть у человека, который работает с использованием сложных машин. Но если взять продавца, который продает бесполезный товар, он чувствует себя мошенником, и он ненавидит свой товар, который ничего не значит для него.

МАЙК УОЛЛЕС: Хм. Но Вы говорите о бесполезном товаре. А если он продает зубные щетки, автомобили или телевизоры...

ЭРИХ ФРОММ: «Бесполезный» – это понятие относительное. Например, для того, чтобы выполнить свой план, продавец должен заставить людей покупать, осознавая, что люди просто так не купили бы его товар. И тогда, в действительности, с позиции потребностей этих людей, эти вещи бесполезны, даже если они сами по себе полезные.

МАЙК УОЛЛЕС: В своих работах об американцах Вы часто говорите о таком понятии как «рыночная ориентация». Что Вы подразумеваете под «рыночной ориентацией», доктор Эрих Фромм?

ЭРИХ ФРОММ: Под этим я подразумеваю, что основной способ отношений между людьми такой же, как между вещами на рынке. Мы хотим обменять собственную личность, или как иногда говорят наш «личностный багаж», на что-то более значимое для нас. Сейчас это не касается работника физического труда. Работник физического труда не должен продавать свою личность. Он не должен продавать свою улыбку. Но это касается тех людей, которых мы называем «сдельщиками». То есть люди, которые имеют дело с цифрами, бумагой, людьми. Кто манипулирует – будем использовать подходящее для этого слово, и которое лучше отображает суть, – манипулирует людьми, знаками и словами. Сегодня все они должны не только продавать свои услуги, но и, вступая в сделку, должны более или менее умело продавать и свою личность. Конечно, есть исключения.

МАЙК УОЛЛЕС: Таким образом, их чувство собственной оценки зависит от того, сколько рынок, в буквальном смысле, готов заплатить за них...

ЭРИХ ФРОММ: Совершенно верно. Точно также как сумки: согласно правилам рыночной экономики, сумки считаются бесполезным товаром, если на них нет спроса и их нельзя продать. И если сумка могла осознавать, то она бы испытывала чувство ужасной неполноценности из-за того, что её никто не купил, и чувствовала бы себя бесполезной. Так же и человек, который считает себя вещью, чувствует свою несостоятельность, если ему не удастся продать себя.

МАЙК УОЛЛЕС: Хорошо. Давайте перейдем к социальным отношениям, взаимоотношениям с близкими и друзьями. Что происходит с человеком в этой сфере?

ЭРИХ ФРОММ: В первую очередь я хотел бы сказать, что наши социальные отношения относительно неглубокие. На самом деле, мы боимся быть откровенными: просто с людьми, даже со своими супругами. Мы заменяем или скрываем этот страх реальной близости поверхностным чувством вроде дружелюбия, которое само по себе хорошее чувство, но, всё же, очень поверхностное. Но я думаю, что есть и другой ответ на Ваш вопрос, и я хотел бы его озвучить. Исследования показали, что средний американец в действительности озабочен только личными делами: своим здоровьем, деньгами и семейными делами. Он не беспокоится о своём обществе. Он только говорит об этом. Порой Вы не можете спать спокойно из-за того, что Вас действительно беспокоит. А средний американец никогда не теряет сон из-за событий, которые происходят в его обществе и во всей нашей стране. Я имею в виду, что он отделил свою личную жизнь от существования в обществе и оставил заботу об обществе специалистам в правительстве.

МАЙК УОЛЛЕС: Как Вы думаете, какие отношения у американца – конечно же, мы здесь говорим как о мужчинах, так и о женщинах, доктор Эрих Фромм, – с политикой и его политическими убеждениями?

ЭРИХ ФРОММ: Соответственно, мы отдали нашу собственную ответственность за то, что происходит в нашей стране специалистам, которые предположительно должны заботиться о ней. И отдельный член общества чувствует, что он не может и даже не имеет права судить о действиях политиков. Я думаю, множество последних событий доказывают это.

МАЙК УОЛЛЕС: Например?

ЭРИХ ФРОММ: Например, то, как мы противостояем возможности разрушительной войны, которая стала угрозой для существования нашего народа и всего мира. Люди знают об этом: люди читают в газетах, что при первой же атаке могут быть убиты сто миллионов американцев. И всё же, они говорят об этом, как если бы они говорили о неполадке карбюратора в их автомобиле. На самом деле, они уделяют больше внимания опасности эпидемии гриппа, чем опасности атомной бомбы, потому что...

МАЙК УОЛЛЕС: Не кажется ли Вам, что Вы несколько преувеличиваете, доктор Эрих Фромм?

ЭРИХ ФРОММ: Хорошо, если так. Потому что я вижу лишь относительно небольшое число людей, которые осознанно чувствуют опасность, угрожающую всем нам, и чувствуют ответственность за свои действия касательно этой проблемы...

МАЙК УОЛЛЕС: Или когда Вы говорите о необходимости что-то делать, может быть всё просто: проблема в том, что в нашем аморфном обществе очень сложно развить в себе это чувство. Каждый хотел бы что-то сделать, но развить в себе чувство ответственности – это нелегко.

ЭРИХ ФРОММ: Я думаю, здесь Вы указываете на один из основных недостатков нашей системы: у гражданина общества очень мало возможностей оказывать какое-либо влияние на свое общество – выражать свое мнение, способное повлиять на процесс принятия решений. И я думаю, что это само по себе приводит к политической летаргии и глупости. Это правда, что надо сначала думать, а затем действовать. Но также верно, что если человек не имеет возможности действовать, его мышление становится пустым и глупым.

МАЙК УОЛЛЕС: Давайте поговорим о том, как человек относится к любви и браку.

ЭРИХ ФРОММ: Я бы сказал, что все иногда говорят о любви. Потребность в любви является одной из базисных потребностей человека. Это процесс единения одного живого существа с другим. Точнее, опыт единения одного живого существа с другим живым существом. И все же, я бы сказал, что любовь сегодня относительно редкое явление. У нас есть много сентиментальности. У нас много иллюзии о любви, так называемой влюбчивости. Но вопрос в том, что для того, чтобы влюбиться необходимо любить. А это значит, что любовь и способность любить становятся одними из самых важных вещей в жизни.

МАЙК УОЛЛЕС: Почему это так трудно для нас? Что с нами не так, по Вашему мнению?

ЭРИХ ФРОММ: Потому что мы обеспокоены миром вещей. Мы обеспокоены своим успехом. Мы обеспокоены деньгами. Мы обеспокоены своими средствами существования. И самое главное, по воскресеньям мы говорим о том, чему в жизни мы мало придаем внимания. Любовь это непросто. Все великие религии высказывают постулат, что любовь – самое главное стремление человека. Если это было так просто, как думают большинство людей, то религиозные лидеры были бы очень наивными.

МАЙК УОЛЛЕС: Вы упомянули воскресные беседы... Какие отношения у человека с его религией?

ЭРИХ ФРОММ: Я думаю, здесь мы обнаружим такое же явление. Многие говорят, что сегодня в Америке религиозное возрождение. Я бы сказал, что в девяноста процентах случаев это религиозное возрождение представляет собой наибольшую опасность, с которой когда-либо сталкивался настоящий религиозный опыт.

МАЙК УОЛЛЕС: Почему?

ЭРИХ ФРОММ: Потому что эта попытка так называемого «религиозного возрождения» является своеобразной смесью книги Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и быть успешным» и нормами Библии, Ветхого и Нового Заветов. Это такой умный, а иногда и не очень умный способ совместить эти две вещи. На самом деле это противоречит духу нашей настоящей религиозной традиции. Я могу сказать иначе, мистер Майк Уоллес. Сегодня человек обеспокоен производством и потреблением как самоцелью, у него очень мало энергии и времени, чтобы посвятить себя настоящему религиозному опыту. Так что...

МАЙК УОЛЛЕС: Когда Вы говорите «настоящий религиозный опыт», что Вы под этим подразумеваете, доктор Эрих Фромм?

ЭРИХ ФРОММ: Я под этим подразумеваю способность чувствовать глубокую любовь, глубокое единство со своим ближним, с природой. И если бы я был религиозным человеком в традиционном смысле, я бы сказал, с Богом. Не имеет значения, используется термин «Бог» или не используется. Важен опыт, который переживает человек.

МАЙК УОЛЛЕС: Картина общества, которую Вы рисуете – и мы говорим сейчас в основном о западном обществе, американском обществе – очень мрачная. Итак, одна из основных наших задач... Позвольте мне дифференцировать... Наша основная задача как человеческих

существ в этой части мира – это выжить, остаться свободными и реализовать себя. Что из ранее упомянутого Вами может положительно повлиять на нашу способность выживать и оставаться свободными в этом кризисном мире?

ЭРИХ ФРОММ: Я думаю, что Вы коснулись очень важного вопроса. **Мы должны принять решение о ценностях. Если высшей нашей ценностью является развитие западной традиции, где ценность – это человек, для которого самое ценное в жизни – это человек, у которого высшие ценности – это любовь к человеку, уважение человека и чувство собственного достоинства другого человека, то в таком случае, у нас даже и не возникает вопрос «Стоит ли нам ради нашего выживания оставлять эти ценности?».** Если это высшие ценности, то они вот такие: и жизнь, и смерть не изменят их. Но если мы начинаем говорить «Ну, может быть, мы сможем лучше справиться с русскими», если тоже превратим себя в управляемое общество... если мы, как недавно кто-то выразился, будем тренировать наших солдат, чтобы они были как турецкие солдаты, которые так отважно сражались в Корее..., если мы хотим изменить весь наш образ жизни ради так называемого выживания, тогда я думаю, мы делаем как раз именно то, что угрожает нашему выживанию. Потому что наши жизненные силы и жизнеспособность каждого народа основывается на искренности и глубокой вере в идеи, которые мы заявляем или провозглашаем. Я думаю, что опасность – это когда мы говорим одно, а думаем и делаем другое.

МАЙК УОЛЛЕС: Что Вы имеете в виду?

ЭРИХ ФРОММ: Я имею в виду то, что мы говорим о равенстве, счастье, свободе, духовной ценности религии и Боге, но наша повседневная жизнь и те принципы, по которым мы действуем, отличаются и частично противоречат нашим словам.

МАЙК УОЛЛЕС: Хорошо. Я прошу Вас дать определения тем качествам, которые Вы сейчас упомянули: равенство, счастье и свобода.

ЭРИХ ФРОММ: Ну, я попробую. Под равенством в Библейском значении мы понимаем то, что мы все созданы по образу и подобию Божьему и поэтому мы все равны. Если же рассматривать равенство в нетеологическом понимании, то мы все равны в том смысле, что каждый человек есть конечная цель другого человека и человек не должен быть средством для цели другого человека: каждая личность и есть цель для каждого человека. Сегодня мы много говорим о равенстве, но я думаю, что большинство людей понимают под этим одинаковость – все люди одинаковые – и они боятся быть разными, неравными.

МАЙК УОЛЛЕС: А счастье?

ЭРИХ ФРОММ: Из всего нашего культурного наследия «счастье» – самое гордое понятие. Я думаю, если Вы сегодня спросите людей, что на самом деле они считают счастьем, то в ответ получите опыт бесконечного потребления, описанного в романе Олдоса Хаксли «О, дивный новый мир». Я думаю, что если бы Вы спросили людей, что такое «рай», и они бы с Вами были искренними до конца, то они бы ответили, что это своего рода большой супермаркет с еженедельным обновлением товара и предостаточным количеством денег, чтобы покупать всё это. Сегодня состояние счастья, как мне кажется, для большинства людей – это удовольствие быть вечно грудным младенцем, который всё больше и больше потребляет.

МАЙК УОЛЛЕС: Ну а что же тогда счастье?

ЭРИХ ФРОММ: Счастье – это результат творческих подлинных интенсивных связей, понимания и отзывчивости ко всему в жизни: людям, природе. Счастье не исключает печаль. Если человек реагирует на жизнь, то иногда он счастлив, а иногда ему грустно. Зависит от того, на что он откликается.

МАЙК УОЛЛЕС: И третье качество – свобода и демократия?

ЭРИХ ФРОММ: Ну, сейчас эти слова используются сплошь и рядом, без разбора. Я бы сказал, что демократия это организация общества и государства, где гражданин такого общества испытывает чувство ответственности за свои действия и участвует в процессе принятия решений. Я думаю, что сегодня в действительности демократия – это в большой степени манипуляция выбором. Не принудительный выбор, а навязанный выбор. И этот выбор все больше и больше нам навязывает Мэдисон-авеню (от переводчика: Мэдисон-авеню – нарицательное обозначение американской рекламной индустрии в целом).

МАЙК УОЛЛЕС: И теперь, когда мы сделали обвинительное заявление, скажите мне: Где мы ошиблись? Что мы сделали не так, доктор Эрих Фромм?

ЭРИХ ФРОММ: Я думаю, что многие другие общества также совершили ошибку, как наше общество. Общества, которые успешно следуют одной своей цели, в момент погони за ней не способны видеть, где эта цель мешает увидеть следующую более высокую цель. То есть, они попадают в тупик. Я думаю, если быть точным, мы ошиблись, когда сосредоточили все больше и больше свои силы на производстве вещей. Таким образом, мы создали раскол между интеллектом и эмоциями, так как для производства современной техники мы должны использовать интеллект. И мы создали очень разумных людей с блестящим интеллектом, но лишенных эмоциональной жизни.

МАЙК УОЛЛЕС: Вы говорите о капитализме?

ЭРИХ ФРОММ: Да, я говорю о капитализме. Я говорю об индустриальной системе, созданной 100-200 лет назад.

МАЙК УОЛЛЕС: Вы могли бы предложить другую систему? Которая...

ЭРИХ ФРОММ: Ну...

МАЙК УОЛЛЕС: Которая бы укрепила человека, помогла ему лучше понять и реализовать себя?

ЭРИХ ФРОММ: Да, я понимаю. Я социалист и... Однако, я хочу добавить, что понимаю под социализмом совершенно противоположное тому, что большинство людей сегодня понимают под социализмом.

МАЙК УОЛЛЕС: Объясните.

ЭРИХ ФРОММ: Под социализмом я понимаю общество, в котором целью производства является не прибыль, а польза людям. Это такое общество, в котором гражданин общества ответственно участвует в своей работе. Это социальная организация, в котором гражданин не является средством, нанятым капиталом.

МАЙК УОЛЛЕС: Но он нанимается на работу государством, не так ли, доктор Эрих Фромм? Разве Вы не считаете, что при социализме человек находится на службе у государства? Разве это обесценивает личность человека?

ЭРИХ ФРОММ: Ну, мы должны уточнить одну вещь: если русские утверждают, что у них социализм, то это просто напросто ложь. У них вообще нет социализма. У них есть то, что я назвал бы государственным капитализмом. На сегодняшний день из всех существующих систем в Европе и Америке их система самая реакционная и консервативная. И на самом деле, государственная собственность – это не социализм. И если взять национализированную британскую промышленность... то реальное положение рабочего на этих заводах ничем не отличается от положения рабочего на заводе Форд и Дженерал Моторз.

МАЙК УОЛЛЕС: Что же тогда такое социализм? Если это не социализм, то, что тогда социализм?

ЭРИХ ФРОММ: Я хотел бы назвать вполне особенные признаки социализма. Я рассматриваю социализм как руководство и управление предприятием всеми, кто работает на этом предприятии. Я предпочитаю рассматривать социализм как сочетание минимума централизации, необходимой для современного индустриального государства и максимум децентрализации. Я уже говорил об этом, мистер Майк Уоллес. Мы проявляем невероятное творчество в области технических наук и нам крайне не хватает воображения для изменений социального устройства. Если бы мы...

МАЙК УОЛЛЕС: Но доктор Эрих Фромм, я думаю о том, что Вы сейчас сказали. Некоторые утверждают, что сейчас в США слаборазвитый социализм и что, США более социалистическое государство, чем, скажем, двадцать или двадцать пять лет назад. И Вы сами жаловались на бюрократию. Вы сами жаловались на то, что люди теряют свою индивидуальность в государстве, в котором они живут. И в то же время, Вы призываете к большему социализму. Если социализм вреден, разве Вы не ухудшаете и без того уже испорченную нашу систему?

ЭРИХ ФРОММ: Да. Но для меня социализм – это полная противоположность бюрократической управленческой культуре. Сегодня мы много говорим о России, и я боюсь, что через двадцать лет у нас с Россией будет больше сходства, чем различия.

МАЙК УОЛЛЕС: Почему?

ЭРИХ ФРОММ: Потому что, управление общественными массами бюрократической системой, управление людьми – это то, что объединяет наше общество и общество России. Русские делают это с помощью силы. Мы это делаем с помощью убеждения. Я ценю огромное отличие между нами и то, что мы можем выражать свои мысли, не боясь быть убитыми или заключенными в тюрьму. Но я думаю, что через двадцать или тридцать лет, когда русские станут богаче и у них не будет надобности в репрессивных методах, они смогут обойтись без террора. У нас есть массы людей и массовый бюрократизм, а манипуляции заставляют каждого человека действовать планомерно, но с иллюзией, что он это делает согласно собственному мнению и решению. В этом и есть сходство с Россией.

МАЙК УОЛЛЕС: До сих пор я лично с Вами соглашался, но сейчас мне трудно согласиться с Вашим решением. Я согласен с вашим диагнозом, но не с лечением. Потому что я не понимаю Вашего социализма.

ЭРИХ ФРОММ: Как Вы видите, это очень трудно, так как русским удалось продать миру мысль о том, что они представляют социализм и идеи Маркса, и мы сделали величайшую услугу их пропаганде, согласившись с этим. Мне нужно гораздо больше времени, чтобы объяснить суть социализма, в гуманистическом и демократическом смысле, так как его понимал Маркс и как понимаю его я. Это полная противоположность управленческому обществу, которым руководит большой класс бюрократии. Задача социалистической организации – разбудить и создать личную ответственность.

МАЙК УОЛЛЕС: Где я могу подробнее узнать об этом?

ЭРИХ ФРОММ: Я попробовал описать это в одной из моих книг.

МАЙК УОЛЛЕС: «Здоровое общество».

ЭРИХ ФРОММ: «Здоровое общество». Я хочу упомянуть, что о Марксе, как и о Ветхом Завете, если Вы не возражаете такому сравнению, – многие говорят, но никто не читал.

На самом деле, существуют очень важные работы Маркса, которые даже не переведены на английский язык.

МАЙК УОЛЛЕС: Итак, Вы советуете обращаться к доктору Эриху Фромму и Карлу Марксу.

ЭРИХ ФРОММ: Ну не совсем так. Хотя для меня это была бы хорошая компания.

МАЙК УОЛЛЕС: Последний вопрос, сер. К сожалению, у Вас есть только полминуты, чтобы ответить на него. Читая Вашу книгу «Здоровое общество», я почувствовал отчаяние в Ваших мыслях о будущем мире...

ЭРИХ ФРОММ: Мистер Майк Уоллес, я чувствую тревогу, глубокую тревогу только об одном – о возможности, которая нам выпала,.. о том, что мы не можем избежать атомной войны. И единственное, что меня беспокоит на данный момент – это смогут ли политики и дипломаты избавить нас от этой катастрофы, которую можно легко понять, но трудно представить. Буду кратким. У меня есть огромная вера в возможности человека, которые показали себя в прошлом. И я верю, что если мы сможем избежать наступления войны, тогда мы возродим наше реальное видение жизни. Но мы должны видеть это, а, следовательно, мы должны критически относиться к тому обществу, что есть сейчас.

МАЙК УОЛЛЕС: Спасибо Вам, доктор Эрих Фромм за то, что Вы пришли и провели это время с нами. Доктор Эрих Фромм указал нам на актуальную проблему, независимо от того, согласны мы с этим или нет. Итак, как он это видит, Америка стремится поклоняться машинам вместо людей, и мы предпочитаем успех здравому рассудку. Общество, которое является политически свободным, как сказал доктор Эрих Фромм, стоит оберегать от духовного порабощения.